

Цинь Чжэн перевел взгляд на юношу: — А ты что скажешь, брат Яо?

— Как Сун Лян решит, так и будет, — отозвался тот.

Юноша с детства рос в неге и заботе: еду ему подносили, одежду подавали, и он попросту не знал, чего еще желать от жизни. Потому он с легким сердцем переложил это непростое решение на плечи супруга.

Сун Лян задумался. Скромничать он не привык, а потому ответил прямо: — Если господин генерал и впрямь желает нас отблагодарить, не поможет ли он нам найти достойную работу?

— И это всё? — Цинь Чжэн на мгновение задумался. — У моего тестя в уездном городе есть своя таверна. Если брат Яо не побрезгует, он мог бы занять там место счетовода. А вот как быть с молодым господином Суном... Признаться, не знаю. Есть ли у тебя какое-нибудь ремесло в руках?

Сун Лян лишь качнул головой: — Я только на земле работать умею. Ну и по дому всё делать: убирать да готовить.

— Что ж, тогда тебе, молодой господин Сун, стоит пойти в таверну помощником повара. Подучишься мастерству, наберешься опыта. А если со временем надумаешь заняться чем-то другим — только скажи. Коли это будет в моих силах, я обязательно помогу.

Сун Лян слегка потянул Яо Юя за край одежды: — Ты как думаешь?

— А ты сам-то хочешь? — вместо ответа спросил тот.

— Хочу! А ты?

Сун Лян понимал: грамоте он не обучен, связей не имеет, а земли, которую можно было бы возделывать, у них нет. Заработать на жизнь в их положении — задача почти невыполнимая, и место на кухне казалось ему даром небес.

Яо Юй промолчал. Муж снова нетерпеливо дернул его за рукав. Наконец юноша нехотя выдавил: — Я никогда раньше не был счетоводом. Не знаю, справлюсь ли.

Сказать по правде, он не только счетоводом не был — он за всю свою жизнь вообще ни разу не трудился. И вот теперь ему предлагают работу, да еще в большой городской таверне?

«Я не смогу! Точно не смогу!»

«А вдруг у меня не хватит умения? Вдруг я совершу ошибку и навлеку беду на заведение, расстрою чужие дела?»

Яо Юй боялся соглашаться.

Цинь Чжэн за то время, что они провели вместе, уже успел подметить, насколько эти двое простодушны — порой даже до пугающей крайности. Он мягко ободрил юношу: — Это не беда. Прежде чем приступить к делам, ты сможешь поучиться, заглянуть в расчетные книги. Если поймешь, что работа не по душе — найдем другое занятие. Ты человек ученый, для тебя всегда отыщется пристойное место.

Раз не нужно было приступать немедленно и давалось время на раздумья, Яо Юй немного успокоился. Поразмыслив, он медленно кивнул: — Что ж... Хорошо.

Он согласился, хотя в глубине души эта затея не вызывала у него ни малейшего восторга. Юноша по-прежнему сомневался, что сумеет управиться с хозяйством целой таверны. Однако Сун Лян так горел этим желанием, что Яо Юй решил: он пойдет следом, хотя бы для того, чтобы убедиться, что всё в порядке.

Память о том, как Сун Лян едва не лишился жизни на прежней работе, до сих пор ледяным комом сидела в груди. Юноша решил, что первые несколько дней будет приглядывать за мужем. Если тот освоится — хорошо, а если возникнут трудности — они просто заберут вещи и вернутся в деревню.

К тому же Яо Юй, выросший в неге, страшился тягот. Зима была не за горами — время, когда все добрые люди греются на печах, пережидая холода. К чему эти мучения с работой в городе?

Находка медного рудника была чистой случайностью, и он не рассчитывал получить от этого случая слишком многого. В тайне юноша надеялся, что они попробуют поработать пару дней, разочаруются и вернутся домой. Ведь одна мысль о том, чтобы каждое утро вставать затемно и почти два часа добираться до города по пронизывающему ветру, казалась ему изощренной пыткой.

***

Когда все дела были обсуждены, Цинь Чжэн решил, что простого обещания работы мало. Он достал кошель и вручил им сто лянов серебра.

— Господин генерал, мы ведь почти ничего не сделали... Это слишком много, — Яо Юй хоть и был сыном зажиточного крестьянина, никогда прежде не держал в руках такого богатства.

— Вовсе нет, — отрезал Цинь Чжэн. — Когда я доложу об этом в столицу, награда от двора будет в разы больше этой суммы.

Деньги — вещь такая, перед которой трудно устоять. Даже Яо Юю.

— Ну хорошо... Благодарю вас, господин генерал. Сун Лян, бери.

Сун Лян, всё еще сидя на спине мужа, принял увесистый сверток. От тяжести серебра сердце у него забилось чаще — таких денег он и во сне не видел.

— Господин генерал, позвольте откланяться.

— Ступайте. Дня через три, когда я переговорю с тестем, он сам вас разыщет.

Попрощавшись с Цинь Чжэном, супруги двинулись в обратный путь. Яо Юй мерно шагал по дороге, неся на себе драгоценную ношу, и всё случившееся за эти дни казалось ему лишь странным, невероятным сном.

— Ох и вымотались же мы... — пробормотал он. — Вернемся — и сразу спать.

Он подождал ответа, но Сун Лян промолчал. Прислушавшись, юноша уловил лишь едва слышное, мерное сопение над самым ухом. Его фулан крепко спал.

Этот сон затянулся на целые сутки. Вернувшись домой, Яо Юй на ходу сбросил верхние одежды, кое-как раздел мужа и, рухнув на постель, провалился в беспамятство. Они спали так крепко, что даже не услышали, как посреди ночи в их дверь отчаянно колотил Старик Яо.

***

Для Лю Нин'эра нынешняя беременность была первой. Будучи от природы крепким, он не видел нужды беречься, а все свои помыслы направил на Яо Аня. Страх, что Сун Лян может когда-нибудь вернуть себе расположение мужа, не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Чтобы привязать Яо Аня к себе еще сильнее, Нин'эр пошел на опасную хитрость: раздобыл где-то сомнительные возбуждающие снадобья.

Поначалу Яо Ань противился, но мысли о том, что выбор уже сделан и свадьба сыграна, понемногу брали верх. Даже если бы он хранил верность памяти о прошлом, Сун Лян всё равно не простил бы его. А Яо Ань не был святым. Видя ежедневные заискивания и ласки Лю Нин'эра, он в конце концов сдался.

После свадьбы между ними воцарился лад, и юноша, видя, как муж всё больше попадает под его чары, окончательно потерял голову. Он требовал внимания снова и снова, не зная меры.

Сперва Нин'эр опасался за дитя в чреве, но когда прошло несколько дней и ничего дурного не случилось, осмелел и вовсе перестал сдерживаться. Однако долго так продолжаться не могло: под действием снадобий и постоянного физического изнурения его здоровье пошатнулось.

Прошлой ночью случилась беда — началось кровотечение. Старик Яо, едва не лишившись чувств от страха, в панике бросился к дому младшего сына, надеясь позвать Яо Юя и Сун Ляна на помощь.

Но сколько он ни стучал, за дверью царил тишина.

В отчаянии Старику Яо пришлось отдать сто медных монет соседу, чтобы тот помог довести Лю Нин'эра до города. Вместе с Яо Анем они доставили несчастного к лекарю.

После долгих терзаний плод удалось сохранить, но цена была высока: лекарю сразу отдали пять лянов серебра, а впереди ждало долгое и дорогое лечение. Доктор прямо сказал: гарантий нет, и любое неосторожное движение может стать последним.

За одну эту ночь Старик Яо словно постарел на десяток лет. Когда лекарь объяснил, что причиной беды стала несдержанность супругов и те самые грязные снадобья, отец не мог поверить своим ушам. Его Яо Ань, всегда такой степенный и рассудительный... как он мог допустить подобное?

— Отец, лекарь же сказал — ребенок жив. Ступай домой, отдохни, — виновато проговорил Яо Ань.

Старик Яо лишь отмахнулся, не в силах ни смотреть на сына, ни говорить с ним. В этот миг он остро заскучал по госпоже Чжао. Раньше, как бы она ни была сердита на старшего сына, в трудную минуту мать никогда бы не оставила их в беде. Будь она здесь, она бы и Лю Нин'эру подсказала, как беречься, и молодых бы вовремя одернула.

Но госпожа Чжао больше не желала обременять себя домашними хлопотами.

С тех пор как ее любимец Яо Юй переехал, дом перестал быть для нее мил. Сначала она целыми днями пропадала то у тётушки Ван, то в лавке вышивальщицы Ли, наблюдая за ее работой. А когда пришла весть, что ее матери, Старой Тайшуй, нездоровится, госпожа Чжао и вовсе уехала к родителям, не выказывая ни тени сожаления.

Раньше, уезжая даже на пару дней, она оставляла подробные указы, ворчала и давала наставления каждому, доводя всех до изнеможения своей заботой — лишь бы они не забыли поесть да прибраться. Теперь же она ушла молча.

Старик Яо всё чаще спрашивал себя: где же он совершил ошибку? Он ведь всегда поступал так, как считал правильным. Да, он был пристрастен, но разве в семьях бывает иначе? Раньше жена

понимала, как непросто ему быть главой рода, почему же теперь всё пошло прахом?

Впрочем, раздумья уже не могли помочь. Случившееся стало горьким уроком, который Лю Нин'эр вряд ли забудет.

Только сердце болело за еще не рожденного внука, которому пришлось страдать, едва зародившись в этом мире. Эх!

<http://bllate.org/book/15314/1356227>